Полдень уже клонился к закату, когда Арагорн, сжав губы, остановился. Путь начался с рассветом, и большая часть утра прошла в веселье, пока хоббиты пытались обучить юного Элиона основам общего языка. Их попытки были бы тщетны, не будь Фродо немного знаком с эльфийским наречием, переводящего Элиона и дающего ему контекст, чтобы понять, чего от него хотят. Но даже в этом "уроке", напоминавшем скорее хаотичную игру, Элион замечал, что Арагорн стал заметно напряженнее, чем вчера. В его движениях появилась скрытая спешка, которой не было накануне. Рейнджер молчал, его взгляд неустанно скользил по стволам деревьев, то опускался на землю, то снова взмывал вверх, словно он ждал засады. К полудню даже хоббиты уловили тревогу рейнджера, и их разговоры и занятия стихли, сменившись беспокойством. Неосознанно хоббиты сблизились, их позы стали напряженными, словно они готовились к прыжку.Взобравшись на гребень, Элион понял, почему все так нервничают. На открытой местности, простиравшейся до самого горизонта, они были совершенно беззащитны. Их могли увидеть за много миль. В лесу их поджидала засада, а здесь, на открытом пространстве, любой, кто преследовал их, легко мог найти и догнать. Арагорн остановился перед самой вершиной, обводя взглядом окрестности. Через мгновение его лицо приняло спокойное выражение, но челюсть оставалась напряженной. Он повел их через хребет и вниз по другой стороне. Никто не произнес ни слова, пока они торопливо спускались, словно не желая задерживаться на открытом месте. Элион видел, как хоббиты с опаской поглядывают на развалины сторожевой башни, но их лица были закрыты, словно они не могли найти в этих руинах того, что искали. Время от времени он слышал, как хоббиты шепотом произносят имя Гэндальфа, и догадывался, что волшебник имеет какое-то отношение к их поискам.Здесь была опасность. Элион чувствовал ее в каждом шаге Арагорна, в тишине, в их напряженных лицах, знакомых ему до боли. Он дрожал, не желая снова сражаться. Он знал, насколько беспомощен, как ребенок, который скорее станет обузой в бою, чем помощником. Он не мог представить, как он выдержит, если Арагорн или кто-то из хоббитов пострадает, защищая его.Когда они наконец добрались до сторожевой башни, на лице Арагорна отразилось смирение, когда он осмотрел окрестности, окинув взглядом пустошь голых холмов. Здесь они были уязвимы, но до наступления ночи они не могли добраться до более надежного укрытия. Элион по горькому опыту знал, что в темноте слишком легко подвергнуться нападению и быть застигнутым врасплох. В голосе Арагорна чувствовалась неохота, когда он говорил с хоббитами, прежде чем они двинулись от развалин к укрытой лощине прямо под ними. Это даст им больше защиты ночью, и они смогут отступить к руинам, если на них нападут.Когда Арагорн опустил Элиона на землю, в его глазах появилось мрачное выражение. Элион с трудом сдерживал желание спрятаться в своем плаще, чтобы не видеть этот взгляд. Он уже видел его раньше. Так смотрели бойцы, когда знали, что идут в бой.— Я пойду разведаю местность, малыш, — тихо сказал он Элиону, кладя руку ему на щеку. — Вернусь ближе к вечеру.Элион смотрел на него расширенными изумрудными глазами, полными мольбы. Он знал, что Арагорн что-то скрывает. Он видел это в его сжатой челюсти и слышал в его голосе, но также знал, что, что бы это ни было, они не собираются ему говорить. На мгновение он замешкался, понимая, что ничего не может сказать или сделать, чтобы остановить рейнджера, и что, возможно, будет еще опаснее, если он не пойдет. Но в конце концов он проговорил:— Просто вернись.Он увидел шок в глазах Арагорна, прежде чем тот протянул руку и крепко обнял его.— Я вернусь, Элион, — пробормотал он. — Я обещаю.Но он не мог этого обещать, никто не мог. И когда Арагорн встал и направился в сгущающиеся сумерки, Элиона пугала эта неопределенность.Сумерки сменялись сумерками, а Арагорн все не возвращался. Элион остался на том месте, где его первоначально поставил рейнджер, и напряженно всматривался в темноту в поисках хоть какого-нибудь признака высокой фигуры. Опасность была налицо, он видел ее в глазах Арагорна, когда тот уходил, но не знал, насколько она велика и что происходит. Это делало почти невозможным рациональное осмысление ситуации, и по мере того как тьма разрасталась, его страхи становились все сильнее и сильнее: а вдруг, а вдруг, а вдруг...Внезапный крик Фродо вывел его из состояния страха, и он подпрыгнул, резко

обернувшись. Он увидел, как хоббит разжигает костер ногой и наставляет других хоббитов. Он не заметил запаха готовящейся еды и даже не обратил внимания на остывшую тарелку с едой, которую поставили рядом с ним. Другие хоббиты, особенно Пиппин и Мерри, спорили, но Элион чувствовал, как по его позвоночнику пробегает дрожь. Он знал, что здесь они беззащитны, и кем бы ни были хоббиты, он не считал их бойцами. А если бы кто-то или что-то искало их, то свет костра был бы виден за много миль, служил бы маяком и привлек бы того, кто преследовал их, прямо сюда.Он снова повернулся, чтобы поискать Арагорна, и сердце его забилось, когда он увидел приближающуюся высокую фигуру в черном. Но почти сразу же это ощущение исчезло, когда он понял, что это не Арагорн, а несколько человек, и все они идут к ним, держа перед каждым сверкающие мечи. Внутри него поднялся холодный страх. Враг был здесь, Арагорн был где-то в диких землях, но если враг был здесь, то Элион знал, что, скорее всего, его нет в живых.Он жестоко подавил панику и горе, позволив инстинктам, отточенным за годы борьбы с Волдемортом, взять верх. В этот момент он забыл, что снова стал ребенком, забыл, что ранен и босиком, без палочки или какого-либо другого оружия, по сути, беспомощен. Он быстро отступил вверх по склону, не сводя глаз с угрозы, которая скользила к ним со всех сторон, стремясь укрыться в руинах. Он знал, что хоббиты следуют за ним: короткие мечи и сковородки были неловко зажаты в их руках, но решимость в их глазах говорила Элиону, что хоббиты будут сражаться всем, что у них есть. Одна эта мысль вселяла в него надежду: решимость может победить знание и силу, если бы это было не так, три первых курса никогда бы не смогли предотвратить воскрешение Волдеморта. Удар о каменную стену вырвал его из оцепенения. Реальность обрушилась на него всей своей тяжестью. Они были в меньшинстве, и их отчаянное сопротивление, подкрепленное лишь решимостью, не могло вечно противостоять опытным врагам. Особенно, когда хоббиты не владели оружием, которое носили, а Сэм и вовсе был безоружен, с единственной сковородкой в руках. А Элион? Он был всего лишь ребенком, без палочки, без оружия. Магия его была очевидна, но без палочки он не мог ее направить.— прошептал он, сглотнув с трудом. Ужас сковал его изнутри. Первая тень скользнула в пролом, и ледяное отчаяние окутало их, заполняя руины своим присутствием. Элион задрожал, не в силах ничего сделать, кроме как прижаться к стене, пока тени приближались, взмахивая мечами в смертельном танце.Грохот металла о металл вернул его к битве. Он увидел, как Пиппин, отброшенный ударом, ударился о стену. В этот момент, как будто сам собой, он вскинул руку, будто держа палочку, и выкрикнул первое пришедшее на ум заклинание. Звук упавшего меча пронзил его до костей. Заклинание сработало! Но враг был неумолим. Меч вновь оказался в его руке, и он снова двинулся на хоббитов, в первую очередь на Фродо.Ужас сковал Элиона, но одновременно с ним пробудилось странное чувство восторга. Он не был беспомощным, не был обузой. Он мог отплатить им за доброту, защитить их. Магия работала, нужно было лишь найти заклинание, которое сможет остановить их.

http://tl.rulate.ru/book/103154/3587787